

ВРАГИ С ПРИВИЛЕГИЯМИ

ЮЛИЯ ЛЕСС

18+

Юлия Лесс

Враги с привилегиями

<https://litres.ru/74036263>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если твой новый начальник — ледяной красавчик, который уволил ассистентку за соевое молоко, а ты вышла на работу в стрингах с надписью «Wild Thing» и с рыжим котом-диверсантом, жди беды. Но не думала, что эта беда предложит мне контракт на фиктивные отношения. И уж точно не планировала влюбиться в собственного босса. И потерять голову, ипотеку и последние приличные шторы тоже не планировала. Но...

Содержание

Глава 1. О том, как рыжий кот съел мои шторы, а я съехала с катушек.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юлия Лесс

Враги с привилегиями

Глава 1. О том, как рыжий кот съел мои шторы, а я съехала с катушек.

Если вы думаете, что жизнь креативного менеджера в рекламном агентстве «Импульс» — это бесплатный кофе, мудборды с пастельными тонами и бесконечные селфи для «Россграма», — вы ошибаетесь. Так же сильно, как моя мама, когда говорит, что «в Москве все просто, надо только выспаться».

Моя жизнь — это вечный недосып, дедлайны, слоганы, которые переписываются по несколько раз, и рыжий кот по кличке Циклоп.

Назвала я его так не потому, что кот инвалид. Он просто ведёт себя как злобное одноглазое чудовище из мифов, а глаза у него два: жёлтых, с вертикальными зрачками, которые расширяются, когда он видит куриную ветчину, и сужаются в щелочки, когда он замышляет убийство. А замышляет он его каждое утро в 5:45. Потому что в 6:00 — завтрак. И если моя тушка ещё валяется в кровати, он начинает мягкую пытку.

Сначала он садится мне на лицо. Не рядом, не на подушку — именно на лицо. Пятой точкой. Кошачий зад — это отдельный вид оружия массового поражения, заверяю вас.

Потом, если я не реагирую, он начинает методично скидывать с тумбочки всё, что там лежит: телефон, кружку с остатками чая (вчера мне повезло — кружка была пустая), упаковку влажных салфеток, мой единственный приличный браслет. Звук падения браслета на ламинат — такой же мерзкий, как звук будильника в понедельник.

И только после этого он переходит к тяжелой артиллерии — например, начинает драть шторы.

В то утро я проснулась от подозрительного звука. Не «вжик-вжик», как обычно, а «тр-р-р-ррыыыыык» — так рвется дорогая ткань, которую ты полгода выбирала на «Яндекс.Маркете» и брала в рассрочку еще на полгода.

Я приоткрыла один глаз.

Циклоп висел на шторе. Не на карнизе — на самой шторе. Он вцепился в тяжелый льняной материал когтями всех четырех лап и раскачивался, как рыжий Тарзан, только с хвостом-метелкой и с совершенно безумным взглядом. Его зрачки расширились до размера монет в десять рублей. В них читалось: «Я делаю это ради науки. И ради того, чтобы ты наконец встала и насыпала корм».

— Слезь, чудовище, — прохрипела я, голосом человека, который спал четыре часа и видел во сне дедлайн по проекту «Взлетай».

Он не слез. Он дернул шторой сильнее. Раздался еще один «тр-р-рыыыык».

Я села в кровати, нашаривая тапок. Тапка не было. Правая нога угодила во что-то скользкое и холодное. Я опустила взгляд. На полу лежала распотрошенная упаковка куриной ветчины. Пустая. И два следа кошачьих зубов на картонной подложке.

— Откуда?! — заорала я. — Я спрятала ее в шкаф! В шкаф, блин! За закрытую дверцу!

Циклоп спрыгнул со шторы, приземлился на четыре лапы с грацией циркового акробата и сел передо мной. На его наглой рыжей морде было написано: «Ты думала, дверца шкафа — это преграда? Ты, смешная женщина. Я научился открывать холодильник на прошлой неделе».

У этого кота лапы, как человеческие руки, честное слово. Или он договаривается с домовым.

Я поплелась на кухню, волоча за собой одеяло. Циклоп трусил рядом, то и дело норовил запрыгнуть на плечо — его любимый трюк. Восемь килограммов наглого мяса на левом плече в 6:15 утра. И это при том, что я еще не пила кофе.

Сыпанула корм в миску. Он презрительно фыркнул.

— Что значит «фырк»? Это премиум-класс! Я заказывала его с доставкой!

Циклоп повернулся ко мне хвостом и демонстративно пошел к холодильнику. Сел перед ним. Посмотрел на ручку. Посмотрел на меня.

— Нет. Ветчина кончилась. Ты сам всё сожрал.

Он вздохнул. Настоящий, глубокий, человеческий вздох.

Мол, тяжело с тобой, мать.

Я пожарила себе два яйца, разрешила помидор — в общем, сделала вид, что я человек, а не офисный зомби. Вернулась в комнату и замерла. Мои шторы, мои любимые льняные шторы цвета слоновой кости, которые я выплачивала шесть месяцев, превратились в решето. Шесть затяжек. Две дыры. И внизу бахрама, которую теперь можно использовать как швабру.

— Я тебя убью, — констатировала я.

Циклоп, уже устроившийся на подоконнике, приоткрыл один глаз. Желтый, ленивый, наглый. Кончик хвоста дернулся. Он знал, что я не убью. Я слишком слаба. И у меня ипотека.

Телефон на тумбочке завибрировал. Я взглянула на экран — Светка. Моя лучшая подруга, персональный глашатай апокалипсиса и единственный человек в этом городе, кому я доверяю свои кошмары.

— Ты еще дома?! — ее голос напоминал пожарную сирену, которую включили прямо у уха. — Ася, мать твою, выкатывайся! К нам едет Он!

Я замерла с кружкой кофе у губ. Внутри похолодело. Не потому, что холодно — батареи в Бутово грели отлично. А потому что это «Он» с большой буквы.

— Коршунов? — спросила я тихо, хотя в квартире кроме

меня и кота никого не было. Но это имя хотелось произносить шепотом, как заклинание.

— Он самый! — Светка перешла на шепот, но это был шепот человека, который кричит. — Новый креативный директор. Из Нью-Йорка. Ты не представляешь, что там творится! Леночка плачет в туалете уже полчаса, потому что он когда-то сказал, что ее степлер «убивает его эстетический оргазм».

— У нее розовый степлер с блестками, я помню.

— Вот именно! Он сказал, что это «визуальное насилие». И он не в духе. Уволил ассистентку за то, что в его латте было не овсяное молоко, а соевое. АСЯ, СОЕВОЕ! Ты понимаешь уровень катастрофы?! Это же как перепутать «разработать баннер» и «нарисовать в пайнте квадратик»!

Я прислонилась к стене. Кофе расплескался и обжег пальцы. Я даже не почувствовала.

— А он,,, красивый? — спросила я, потому что я дура, и у меня всегда срабатывает этот рефлекс перед опасностью.

— АСЯ! — заорала Светка. — Он уволил человека за молоко! Какая к черту красота?! Но да, говорят, красивый. Как греческий бог, которого переехал асфальтоукладчик. Глаза из льда, челюсть — гранит, и улыбка, от которой у Катюхи из дизайн-отдела в его прошлый приезд случилась истерика. Она сказала «он улыбнулся мне, и я поняла, что хочу, чтобы он меня уничтожил».

Я подавила нервный смешок.

— Буду через сорок минут, — ответила я и уже хотела скинуть звонок. — Максимум час.

— У тебя двадцать пять минут! Он уже подъезжает!

Я посмотрела на свои часы — дешевый смарт-вариант, который купила на распродаже. 8:35. Обычно я выхожу в 9:00. Но сегодня не обычный день. Сегодня день «Он».

Я подбежала к зеркалу и чуть не заплакала.

Прическа — «гнездо бешеной вороны», усугубленное тем, что Циклоп использовал мою голову как тренажер для лап. Глаза — красные от недосыпа. Под глазами — синяки до подбородка. На футболке — пятно от вчерашнего ужина (лазанья, которую готовила Светка, она сказала «она не оставляет следов» — врала). А еще на футболке рыжая шерсть. Тонны рыжей шерсти.

— Ты — исчадие ада, — сообщила я Циклопу, который уже по-хозяйски развалился на моей подушке. — Я уйду, а ты останешься. И даже не думай смотреть телевизор.

Кот моргнул. Он всегда смотрит, когда меня нет. Я знаю, потому что он каждый раз переключает на канал про рыбалку.

Дальше я двигалась со скоростью сверхзвукового истребителя, который опаздывает на боевое задание.

Душ — две минуты. Новый рекорд. Я отжала волосы, не выключая воды, потому что ждать, пока стечет, — роскошь. Нанесла кондиционер на кончики и сразу смыла. Выскочила мокрая, как мышь.

Волосы — в пучок. Позорный, кривой, торчащий в три стороны пучок, который я перевязала старой резинкой для денег. Сойдет. Главное — не распускать, а то будет «русалка, которую выбросило на берег после шторма».

Косметика. Тональный крем слоем, чтобы скрыть круги. Консилер — туда же. Тушь — быстренько, чтобы ресницы не слиплись. Помада — нейтральная, потому что красная будет выглядеть как «иду на охоту».

Оделась на автомате: чистые джинсы (слава богу, хоть они без кошачьей шерсти, потому что висели в шкафу за закрытой дверцей, которую Циклоп еще не научился открывать... или уже научился?). Свитер — толстый, бежевый, почти кашемировый. Пальто — длинное, серое, на пуговицах.

В коридоре я налетела на Циклопа, который пытался стащить мой носок. Тот самый, с дыркой на большом пальце. Зачем ему носок с дыркой? Для коллекции? Для алтаря? Я не знаю. Я перешагнула через него, наступила на хвост (специально, но очень легонько, я же не монстр), схватила сумку и вылетела из квартиры, хлопнув дверью.

В лифте я вдохнула воздух Бутово — запах чужих котлет, хлорки и чьей-то надежды на лучшее. И поехала вниз. В метро.

Московское метро в час пик — это отдельный круг ада, который Данте не описал, потому что он не бывал в Москве в понедельник утром. Меня толкали, пихали, кто-то наступил на мои новые замшевые ботильоны, кто-то чихнул в за-

тылок. Я мысленно перебирала варианты слоганов для энергетика «Взлетай» (наша аудитория 18–25, дерзкие, активные — «Взлетай, пока молодой!» — звучит же? Классно звучит, я так думала).

Выходя из метро на Цветном, я глянула на часы — 9:01. Одна минута опоздания. Для обычного смертного — мелочь, пробка. Для Матвея Коршунова, как шептались в курилке сотрудники, — смертный приговор, расстрел без права на помилование и публичное поругание.

Я пробежала через турникеты, влетела в стеклянные двери бизнес-центра, на ходу показывая пропуск охраннику дяде Васе (он кивнул, он знает меня, я та самая девушка с котом, который однажды сбежал и разорил цветочный магазин в вестибюле). Лифт. Третий этаж. Коридор. Офис «Импульс».

В приемной стояла тишина. Не просто тишина — та особенная, предгрозовая тишина, от которой звенит в ушах и хочется идти по паркету исключительно на цыпочках. Даже офисный фикус в углу, который обычно бодро тянул свои листья к солнцу, казалось, съжился и посерел. Рядом с фикусом стоял пустой горшок — вчера там был еще один фикус. Я не хотела знать, куда он делся.

Секретарша Леночка сидела за столом с таким видом, будто ее только что окатили ведром ледяной воды, а потом заставили проглотить лимон. Она тыкала пальцем в клавиатуру, но не печатала — дрожала.

— Ты жива? — шепотом спросила я.

Она отрицательно покачала головой, глаза влажные.

— Он... он проверил мою раскладку клавиатуры и сказал, что «раскладка ЙЦУКЕН — для пенсионеров с ностальгией». Он заставил меня переключиться на Colemak. За час! Я не умею печатать на Colemak!

Я похлопала ее по плечу, не зная, что сказать. Colemak — это жесть, согласна. Но не увольнять же за это?

Из-за матовой двери кабинета доносился низкий, вибрирующий голос. Он проникал сквозь стекло, сквозь стены, сквозь мои внутренности, заставляя что-то трепетать там, где трепетать вообще не должно.

— ,,и поэтому я вынужден констатировать: вы не дизайнеры, вы — фабрика по производству клипарта. Этот макет можно показывать только врагам. Перед смертью. Чтобы они поняли, что муки ада — это цветочки по сравнению с вашей версткой.

Дверь распахнулась, и оттуда выплыла Катюха из дизайн-отдела. Бледная, как лист бумаги формата А4. Губы тряслись, в руках она сжимала планшет так, будто это ее последнее спасение.

— Он... он сказал, что мой баннер выглядит как реклама ритуальных услуг, — прошептала она, глядя в пространство перед собой. — А мы рекламируем йогурт, Ася. ЙОГУРТ! Клубничный йогурт с кусочками фруктов. Должно быть весело, сочно, жизнеутверждающе. А он сказал «траурная гам-

ма, аскетичный шрифт, впечатление, что йогурт съел чью-то бабушку».

Я сглотнула. Мой проект по энергетическому напитку «Взлетай» лежал в папке. Распечатанный. С кеглем 14,5 вместо положенного 14. Потому что мне показалось, что 14 — это мелко. А теперь я понимала, что Матвей Коршунов, возможно, измеряет кегли с точностью до сотых и казнит за полпункта.

— Морозова! — голос Леночки, которая вдруг обрела дар речи, резанул по нервам, как плохо настроенная скрипка. — Заходи. Он вызывает.

— Кто? — глупо переспросила я.

— Он. Коршунов. Иди. И возьми с собой завещание.

Я хотела сказать, что у меня нет завещания. Но вспомнила про Циклопа. Если меня уволят, кто будет кормить это рыжее чудовище? Кто будет менять ему лоток? Кто будет терпеть его 5:45 утра? Мама из Рязани? Она приедет, конечно, но она скажет «я же говорила, в Москве одни проблемы». Я не вынесу этого разговора. Ни сейчас, ни когда-либо ещё.

Я вошла в кабинет с чувством обреченности — смесью страха и абсурдного любопытства. И первое, что я почувствовала, был запах. Не дешевый освежитель воздуха, не запах офисной бумаги и кофе. Нет. Запах свежий, с нотками цитруса, сандала и дорогой кожи. Запах власти. Запах денег. Запах мужчины, который знает, что он здесь главный, и которому плевать, что ты о нем думаешь.

Матвей Коршунов стоял спиной ко мне. Он смотрел в окно на серую осеннюю Москву — на пробки на Цветном, на людей, спешащих по своим делам, на голые деревья. Широкие плечи, идеальная линия костюма — темно-синего, с мелкими полосками, которые, я готова была поспорить, сшиты на заказ в Лондоне. Часы на запястье — серебряные, тяжелые, с хронографом. Такие стоят больше, чем моя квартира в Бутово. Вместе с ремонтом. И котом. И ипотекой.

Он обернулся — и я забыла, как дышать.

Фотографии в «Инстаграме», которые я тайком гуглила прошлой ночью, когда Циклоп храпел в ногах, не передавали и десятой доли его... опасности. Не красоты — опасности. Острые скулы, твердая линия челюсти, легкая небритость (он что, не брился специально? Или просто забыл? Ни один мужчина, который забывает бриться, не может так хорошо выглядеть). Глаза — голубые, ледяные, с прищуром, который, казалось, видел меня насквозь. И не просто видел — анализировал, сканировал, оценивал.

Я почувствовала себя букашкой под микроскопом. Или подопытной мышью, которую вот-вот пустят на опыты. Или подопытной мышью с кеглем 14,5, которая обречена.

Он молчал три секунды. Мне они показались вечностью. За это время я успела прокрутить в голове всю свою жизнь: как поступала в университет, как переезжала в Москву, как завела кота, как брала ипотеку, как полгода выбирала шторы, которые теперь с дырками. Все это пронеслось перед глазами

в формате коротких клипов. И финальный клип — меня с папкой, из которой вываливается распечатка с кеглем 14,5.

— Анастасия Морозова, — он взял мой планшет с моего стола. Не спросил, просто взял. Его пальцы — длинные, ухоженные, с идеальными ногтями — пролистали файлы. Он нашел то, что искал. Мой проект.

— Ваш слоган «Взлетай, пока молодой» — это катастрофа, — сказал он так спокойно, будто констатировал погоду. Дождь. Серо. Понедельник. Слоган — катастрофа. — Наша аудитория — мужики за тридцать пять, у которых спина болит и ипотека. Вы изучили портрет клиента?

— Я,,, — начала я.

— Нет, вы не изучили, — перебил он. — Потому что если бы изучили, то знали бы: этим людям не «взлетать» хочется. Им хочется, чтобы сердце не прихватило на утренней пробежке. Им хочется, чтобы дети не вылетели из школы, чтобы начальник не орал, чтобы бензин не дорожал. «Взлетай, пока молодой» — это для двадцатилетних стажеров, которые пьют «Ред Булл» и думают, что бессмертны. Наш клиент хочет сказать: «Я еще не старый, черт возьми. У меня еще есть порох». Переделать. Срок — завтра. 10:00 утра.

Он швырнул планшет на стол. Тот глухо стукнул о деревянную поверхность. Я вздрогнула. Но не от страха. От злости. Потому что он был прав. Абсолютно, кристально, невыносимо прав. И говорил это так, как будто я — идиотка, которая не умеет читать брифинги. Как будто я не ночами сиде-

ла над статистикой, не анализировала конкурентов, не приходила к выводу, что «Взлетай» — это круто и дерзко. Оказывается, не круто. Оказывается, дерзость не всегда уместна.

— Я все поняла, — процедила я сквозь зубы, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Переделаю.

Я развернулась к двери. В голове уже роились варианты. «Взлетай, пока не поздно» — нет, бред. «Взлетай, несмотря ни на что» — слишком пафосно. «Взлетай. У тебя получится» — покровительственно.

— Стоять.

Команда ударила под колени, как удар током. Я замерла, не оборачиваясь. Спиной я чувствовала, как он подходит ближе. Паркет скрипнул под его ботинками. Идеальные ботинки, кожаные, на тонкой подошве.

Он остановился в сантиметре от меня. Я чувствовала жар его тела сквозь тонкую рубашку. И запах — этот чертов запах сандала и цитруса, который теперь ассоциировался у меня с опасностью и почему-то с чем-то теплым, тягучим, что разливалось где-то внизу живота. Нет, не разливалось. Я себе это придумала. Я зла на него. Я не могу одновременно злиться и,,, чувствовать это.

— И еще, Морозова, — его голос понизился до интимного шепота. До такой тихой, бархатистой интонации, от которой у меня по коже побежали мурашки — от шеи до копчика, вниз по позвоночнику, россыпью холодных и горячих точек одновременно. — В следующий раз, когда будете на-

девать кружевные стринги под джинсы с низкой посадкой, проверяйте, не выглядывает ли резинка. Розовая. С надписью «Wild Thing». Это отвлекает.

Кровь прилила к лицу. Я почувствовала, как щеки заливаются пунцовым, как уши становятся алыми, как шея покрывается пятнами. Я забыла их надеть. То есть я их надела — они были удобные, кружево мягкое, не впивалось. Но джинсы, эти чертовы джинсы с заниженной талией (я купила их на распродаже, думала, буду носить с длинным свитером), сели ниже, чем надо. И эта розовая резинка с надписью «Wild Thing» (подарок Светки на прошлый день рождения, она сказала «ты должна напоминать себе, какая ты дикая», дурацкий подарок, но такие смешные трусы) — выглядывала. Все утро. Пока я ехала в метро, пока заходила в офис, пока стояла в приемной перед Леночкой. Все это время эта надпись была на виду.

— Это не то, что вы подумали! — прошипела я, резко оборачиваясь. Наши лица оказались на расстоянии поцелуя. Я видела каждую ресницу. Видела крошечное пятнышко на радужке — темно-синее на голубом. Видела, как расширились его зрачки, как дернулся уголок губ.

Он усмехнулся. Одним уголком губ. Медленно, с явным удовольствием.

— Я думаю только о КРІ, Морозова. Ваше белье — это белый шум. Свободны.

Я вылетела из кабинета, чувствуя на себе его взгляд. Пря-

мо между лопаток. Жгучий. Оценивающий. Я захлопнула дверь, прислонилась к стене приемной и закрыла глаза. В ушах стучало: «Он видел мои трусы. Он назвал меня белым шумом. Я его ненавижу. Или хочу. Или и то, и другое одновременно».

Леночка посмотрела на меня с сочувствием.

— Воды? — спросила она.

— Виски, — выдохнула я. — Но в 9:15 утра, наверное, рано.

— Скажешь это ему, — она кивнула в сторону кабинета. — Он пьет виски в 8:30. Сказал, что «это ускоряет мыслительные процессы».

Я вздохнула и пошла на свое рабочее место. Светка уже сидела, делая вид, что работает, но на самом деле строчила мне в мессенджере:

«НУ КАК??? ЖИВА??? ОН ТЕБЯ УВОЛИЛ??? ОН ЧТО-ТО СКАЗАЛ ПРО ТЕБЯ??? ЕСЛИ ЧТО, Я КУПИЛА ТВОЙ ЛЮБИМЫЙ ТОРТ, И МОЖНО ПОПЛАКАТЬ В МОЕЙ МАШИНЕ».

Я ответила одним словом: «Потом». И уткнулась в монитор.

Слоган. Мне нужен новый слоган. И, возможно, новая работа. Или новый гардероб. Или новая жизнь.

Циклоп прислал мне мысленное сообщение (я уверена, что он это умеет): «Ты справишься, дура. Но корм на завтра — лосось, а не эта хрень из пакетиков».

Я улыбнулась. Потянулась за ноутбуком.
Начинался новый день. И новая игра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.